

ХРАНИТЕЛИ МИРА МЕРТВЫХ

ВЛАДИМИР АНДРИЕНКО

Владимир Андриенко

Хранители мира мертвых

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Андриенко В.

Хранители мира мертвых / В. Андриенко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715637-3

Тайная стража мира мертвых, стража Анубиса, противостояла братству грабителей гробниц и охраняла покой ушедших владык великого царства Кемет. Молодой чиновник фараона осмелился спасти из «Сфинкса смерти» девушку, приговоренную хранителями к наказанию «тысячи смертей». Девушка в свою очередь спасает молодого придворного от ловушек в городе мертвых. Приключения героев разворачиваются на фоне грандиозной борьбы фараона Эхнатона со старыми богами Египта. Заговорщики решили устранить наследника Двойной короны при помощи магии. Египетские призраки, как архаические темные божества, считались врагами живых людей. Они пугали людей и убивали их. Черные колдуны могли наводить порчу и вызывать из могилы темные существа...

ISBN 978-0-88-715637-3

© Андриенко В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Книга 1	10
Папирус 1	10
Папирус 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Андриенко

ХРАНИТЕЛИ МИРА МЕРТВЫХ

Пролог

«Проклятие призрачной гробницы»

1358 до новой эры

Шестой год правления в стране Кемет фараона

Аменхотепа IV (Эхнатона)

Девушка, протискиваясь сквозь узкий лаз, больно ободрала себе коленку. Но привычная к своей работе она даже не вскрикнула и поползла к намеченной цели. Темный провал уводил её в неизвестность, и не было видно, где заканчивается тоннель, проделанный еще строителями этой гробницы лет триста пятьдесят назад.

За девушкой пробирался старый Ки, умело просовывая вперед худые узловатые руки со следами многочисленных шрамов и ловко хватаясь заскорузлыми пальцами за выступы камней.

– Ты ушиблась, Мерани? – донесся до девушки голос старика.

– Ничего. Простая царапина, – недовольно пробурчала она.

– Крови не оставила? Кровь это плохо в гробнице. Духи мертвых чувствуют кровь.

– Нет. Не оставила.

– Тогда передвигайся быстрее, и не стоит осторожничать. Здесь нет ловушек.

– Откуда ты можешь это знать, Ки? Ведь это я принесла план гробницы и до сих пор не уверена в его достоверности.

– В таком тоннеле ловушек быть просто не может. Я сколько раз говорил тебе. Это тоннель для строителей гробницы. Они воспользовались им для того, чтобы выйти, когда завершили все работы. А затем просто завалили его камнями и тщательно замаскировали снаружи. Все ловушки ждут нас впереди.

И старик оказался прав. Тоннель был полностью безопасен. Он привел их в небольшой коридор, который через десяток метров упирался в новый неудобный наклонный ход. Ки внимательно осмотрел его и недовольно пробурчал:

– Здесь уже были до нас.

– Как это были? – удивилась девушка. – Здесь до нас никого не могло быть. Это могила самого фараона Сенусерта Великого ¹.

Старик хрипло захихикал.

– Не смейся меня, Мерани. Самого Сенусерта? Сенусерт был великим фараоном. Великим! В настоящем смысле этого слова! Возможно, больше таких фараонов и не будет. Если бы мне действительно удалось найти его могилу, я бы почитал себя самым счастливым грабителем могил в Египте. Я, пожалуй, даже посчитал бы кощунством грабить его усыпальницу. А ты знаешь, что для старого Ки вообще не существует запретов и можешь измерить глубину его почтения к Сенусерту.

– Тогда радуйся, старый Ки. Твоя мечта сбылась. Мы в гробнице Сенусерта.

– Эта примитивная могила принадлежит Великому владыке? Да ты хоть знаешь, кто для него строил могилу?

---

¹ Сенусерт III – один из величайших фараонов Древнего Египта времен Среднего царства, принадлежал к знаменитой XII династии. Здесь и далее примечания автора.

– Нет. А это имеет значение? – спросила девушка.

– В моем роду все грабили могилы. Отец старого Ки, его дед и его прадед – грабили могилы. И в моем роду есть предания о великих архитекторах и строителях гробниц. Так вот знай, что могилу для фараона Сенусерта строил сам хитроумный Атеф! А он самый лучший архитектор в истории Египта! Самый! Вникни в смысл этого слова! А какие ловушки он устраивал для нашего братства! О них ходили легенды. Мой дед даже верил, что Атеф был не простым человеком, но магом.

– Магом?

– Дед говорил, что хитрость у него от самого Баби, демона, который служил богу Сету и богине Нефтиде.

– Демон служил богам Египта? – удивилась Мерани.

Старый Ки не стал отвечать, а задал свой вопрос:

– Сейчас не время для разговоров о древних демонах, девочка. Я хочу тебя спросить, почему ты мне не сказала заранее, чья эта могила? Почему говоришь об этом только сейчас?

– Боялась, что если скажу – Сенусерта Великого, ты не пойдешь со мной.

– И правильно боялась. Я бы тогда трижды подумал, прежде чем сделать это. Этот стиль в строительстве совсем не похож на тот, каким строили во времена династии, к которой принадлежали Сенусерты и Аменемхеты ². Это постройка гораздо более позднего времени. Скорее всего, времен господства гиксосов ³. Но в этой гробнице уже побывали грабители. Смотри на эти отметины. Видишь? Это следы инструментов.

– Но этого не может быть! Я узнала эту тайну от преданного человека. Он не мог меня обмануть.

– И этот преданный человек сказал тебе, что это гробница Сенусерта Великого?

– Нет, я сама догадалась, что это именно та гробница, которую ищут многие грабители.

– А кто тебе рассказал об этом захоронении? – встревожился Ки. Он явно был встревожен.

– Наш поставщик сведений Джер. Он служит при погребальном храме жреца Птахотепа!

– Хитрая лиса, но его сведения всегда были верными. Хотя он мне совсем не нравится.

– Но он сказал, что здесь никого до нас не было, и он дал мне план гробницы и этот самый ход. Я сама видела древний папирус с подробным планом этой гробницы. И свой план сделала на его основе.

– Много старый Ки видел на своем веку гробниц и...

В этот момент девушке показалось, что где-то вдали, за стеной, что-то хрустнуло. Она схватила старика за руку и произнесла шепотом:

– Ты слышал?

Ки с удивлением посмотрел на Мерани.

– Ты стала бояться теней? Это плохо для людей нашей работы, девочка. Я видел тени мертвых, и они действительно несут охрану гробниц, но у меня против них есть парочка-другая верных заклинаний. Но слышать тени невозможно. Их можно только видеть.

– Нет, – ответила она. – Это не тени, а реальные люди. И хрустели суставы человека, который пробирался на кончиках пальцев. А это значит, что он не хочет, чтобы мы с тобой его слышали. И, значит, он совсем не призрак.

– Ты не ошиблась? – на этот раз Ки встревожился. Он знал, что слух у девушки был отменный.

– Нет. Я отлично знаю, как хрустят пальцы. Засада? Нас ждали? Неужели Джер обманул меня?

---

² Сенусерт (Владыка богини Усерт) и Аменемхет (Амон впереди) – имена фараонов 12-й династии.

³ Гиксосы (повелители пастухов) – завоеватели покорившие Египет после падения Среднего царства.

– Он, очевидно, работает не только на наше братство, но и на стражу мира мертвых. Но если это так, то мы с тобой в страшном месте.

– Ты о чем, Ки?

– Ты слышала о проклятии призрачной гробницы?

– Нет!

Кто из грабителей гробниц не слышал о ней? Уже больше ста лет и жрецы заупокойного культа и черные стражи мертвых пользовались этой приманкой для того, чтобы сократить ряды братства осквернителей покоя умерших. Каких только названий не придумали для этой гробницы! Называли её гробницей тумана, и призрачной гробницей, и ловушкой смерти, и домом демона.

Но старик все еще надеялся, что его предположение ошибка.

– Ты сказала Джеру, что мы пойдем в гробницу только вдвоем? – спросил Ки.

– Нет. Я сообщила ему, что это большое дело для многих.

– Вот как! Значит, мой сон был вещим!

– Какой сон, Ки?

– Сны это послания богов, Мерани. Помни про это, если сумеешь пережить нынешнюю ночь. Я видел свою смерть. Хотя и предположить не мог, что придет она так скоро.

– Ки! Ты меня пугаешь!

– Теперь все яснее ясного, Мерани. Джер задумал накрыть здесь многих членов братства и получить большие выгоды для себя. Но он не знал, что мы с тобой воспользуемся его сведениями только для самих себя.

– А как ты думаешь, на кого именно он работает? На жрецов заупокойного культа или на стражу бога мертвых? – спросила девушка.

– Судя по стилю, не на жрецов. Это точно. Эту гробницу, похоже, подставили нам именно стражи мира мертвых.

Эти слова Ки были страшным приговором. Попасть в руки этим существам (назвать их людьми не решался никто) значило обречь себя на страшную смерть.

Девушка часто слышала о проклятии «тысячи смертей», которое они налагали на преступников, нарушающих покой мертвых. Лично знакомиться с этим она не хотела.

– Тысяча смертей! – произнесла она. – Я слышала, что хранители налагают такое наказание на тех, кого ловят в гробнице. Но как мог этот трус Джер решиться на предательство? Он знает, что его за это ждет месть братства!

– Все труднее и труднее становится читать в человеческих сердцах, девочка. Предательство и ложь так укоренились в них, что просто диву даешься. И где наши старые времена?

– Уходим, – Мерани потянула старика за руку. – Нет времени горевать об испорченных нравах.

– Уходим? Куда? Обрато по лазу? Да именно там нас с тобой и ждут.

– Но тогда куда же? – растерялась она. – Может быть, мы еще сумеем уйти. Ловушка пока, может, и не захлопнулась.

– Нет. Они сразу же закрыли её по сигналу. Нам нужно идти туда, где нас не ждут. Лезем в подземный склеп.

– Но если это стража Анубиса ⁴, то они ждут нас именно в самой гробнице.

– Не думаю, – возразил Ки. – Они не станут лезть в тайный склеп. Здесь слишком узкий проход. А эти господа из тайной стражи мертвых фараонов не любят неудобных лазов. Это ходы только для нас – грабителей могил.

– Но они, говорят, могут легко проходить сквозь стены.

---

⁴ Анубис – «великий принц Запада», бог с телом человека и головой шакала, повелитель загробного мира.

– Обо мне также ходили такие слухи лет десять назад. Говорили, что этот Ки проходит сквозь стены, и свое умение он получил от бога Сета, когда скитался по мертвой пустыне. И я не опровергал этих слухов. Больше того, я сам их поддерживал.

– А этого умения у тебя нет?

– Нет, Мерани. Сквозь каменную кладку может пробраться лишь бестелесный дух. Но я пока жив и мой Ка⁵ со мной.

– А как же ты проходил сквозь стены? – до Мерани доходили рассказы об искусстве и неуловимости Ки. – Я слышала, что ты в Гизе ушел из закрытой камеры, куда тебя заперли жрецы.

– Да. Я тогда ушел, но совсем не сквозь стену. Я нашел баночку с золотой краской и намазался её с головы до ног.

– И что же? – Мерани забыла на мгновение об опасности им угрожающей.

– Я встал среди десяти статуй в самом темном углу и когда туда ворвались стражи, меня никто не заметил.

– Но как ты вышел?

– Еще проще. Вместе со жрецами и слугами, которые обслуживали гробницу. Правда, я еще никому не раскрыл этой тайны. Ты первая. Вот и мы с тобой попробуем провернуть нечто подобное и сейчас.

На этот раз Ки полез первым.

«Алчны сердца и на чужое теперь зарится каждый, – думал старый грабитель. – И работы стражам загробного мира добавилось. Проклятый Джер продал нас и специально заманил Мерани в ловушку. Эх, если бы она рассказала мне все раньше! Но я поверил ей и пошел в эту гробницу. Что за времена?»

Девушка, молча, ползла за стариком...

В гробнице в большой погребальной камере в один миг загорелись факелы.словно некто одним мановением руки повелел явиться огню.

Ки вздрогнул от неожиданности, хотя с подобными фокусами он уже не раз встречался в своей практике.

– Что это, Ки? – прошептала испуганная девушка.

– При появлении чужаков в некоторых могилах загораются факелы.

– Но кто их зажигает? Неужели... Неужели это Ка покойного?

– Нематериальный двойник человека? Нет. Ка не может зажигать свет. Это же нематериальный двойник. И ему нет смысла поражать живых такими фокусами.

– Но кто же тогда? Если не Ка, то кто?

– Возможно, здесь расположен некий тайный механизм, но как он работает – я не знаю. Не могу же я знать всего.

Они осмотрелись. В самом центре зала был большой саркофаг, накрытый массивной крышкой. Вокруг стояли четыре золоченые статуэтки богинь-охранительниц. В дальнем углу камеры столы с канопами – священными сосудами, куда помещались внутренности, извлеченные из мумии. Рядом с ними были многочисленные приношения умершему.

Ки ясно видел блеск золота и драгоценных камней в красноватом свете факелов.

– Здесь по всему видно – до нас никого не было, – прошептала Мерани.

– Нет. Что-то не так. Слишком большой порядок и все как-то неестественно. Я совсем не ожидал это здесь увидеть. Что-то не так. Неужели это... – старик осекся, и его лицо стало бледным. Мерани хорошо видела это в свете факелов.

– Что?

---

⁵ Ка – нематериальный двойник человека.

– Здесь на самом деле ничего нет! Но сотворить такое может только могущественный жрец, поверенный тайн мира мертвых.

– И что?

– Что? – Ки посмотрел на девушку. – А ты знаешь, сколько есть в Египте таких жрецов? Не более двух!

Старик уже понял, что произошло. Он внимательно обвел глазами помещение в поисках путей спасения, затем схватил девушку за руку, давая понять, что та не должна двигаться. Мерани все поняла без слов.

«Ки самый опытный из братства и его никто не мог поймать в течение 30 лет. Неужели нас схватят?»

Все факелы вдруг погасли. Погребальная камера погрузилась во тьму...

В доме грозного владыки,
В доме славного Атефа
Эту песню я исполню:
Поколения уходят,
Тени предков исчезают,
Повелителя Кемета
Тело в пышном саркофаге разместили в пирамиде.
А что с теми, кто построил место вечного покоя?
У них нет своей гробницы,
И обречены скитаться души без упокоенья.
Слышал речи Имхотепа,
Слышал слово Хордадефа.
Что такое место смерти?
Есть ли там покой владыкам, что при жизни признавались
Равными богам Кемета?

Книга 1

«Тысяча смертей»

Папирус 1

«Черная» стража Анубиса»

1358 год до новой эры

Шестой год правления фараона Аменхотепа IV (Эхнатона)

Строительство нового города Ахетатона

Худощавый юноша в посеревшей от грязи и пыли юбке стоял рядом со стариком и смотрел на копошащийся людской муравейник. Тысячи людей работали здесь подобно пчелам, и гудел несмолкаемый улей человеческих голосов. Слышались окрики начальников и ругань мастеров.

Юноша искренне удивлялся, как вообще в такой сутолоке можно что-то понять и чем-то управлять. Мимо десять человек волокли большой каменный блок. А совсем рядом, стучали молотками камнесечцы. Кто-то прокричал, пересилив зычным голосом громкий стук сотен молотков:

– Осторожнее с блоком! Куда вас понесло, дети шакалов!

– Но мы не пройдем другой дорогой, Рахотеп, – ответил кричавшему человеку с большой палкой в руке один из рабочих. – С другой стороны дорога занята повозками с глиной. Их никак не могут убрать с пути.

– Но если мы все блоки станем таскать, так как этот, то мы не уложим за день и трех! А нужно укладывать двадцать!

– Но что я могу сделать, Рахотеп? Не в моей воле разгружать повозки. Кто виноват, что здесь нет никакого порядка?

– Не болтай попусту! И поосторожнее насчет порядка. Узнает царский архитектор о таких словах, не миновать тебе палок.

Старик подтолкнул юношу и прошептал ему прямо на ухо:

– Иди, чего стал на пути. Не видишь, этот господин гневается. Хочешь отведать его длинной палки?

– А чего мы пришли сюда, дядюшка, в это неудобное и странное место? Он нем, говорят много плохого.

– Тихо! – зашипел старик. – Ты своим языком можешь навлечь на нас несчастья. Мало мне с тобой забот.

– Но это говорят жрецы храма Амона, дядюшка. Я только повторил их слова. Да и чего нам опасаться. Здесь в таком шуме наши слова никто не сможет услышать.

– Замолчи, Нехези! И не раскрывай своего поганого рта. Тому, кому нужно – услышит. Ты мало знаешь наши порядки. И не стоит здесь поминать Амона и его жрецов. Это новый город. Видишь, сколько людей его строит? Здесь тысячи рабочих и лучшие архитекторы Египта. Смотри, центральный храм бога солнца уже построен. Мне не приходилось видеть до этого более величественное здание. Хотя я повидал на своем веку немало храмов в разных городах.

– Но зачем мы с тобой сюда пришли? Ты так мне и не сказал, дядя.

– Я забочусь о твоём будущем, племянник, – важно проговорил старик.

– О будущем? – юноша испуганно посмотрел на дядю. – Что ты хочешь этим сказать, дядя? Неужели, правда то, что говорили ученики нашей школы? Ты оставишь меня здесь навсегда? Но я хочу обратно в наши Фивы. Домой.

– Вот дурак! Да здесь скоро может быть будет новая столица. Здесь, а не в Фивах. И здесь можно будет сделать карьеру. Я выполнил обещание, данное твоему отцу и моему старшему брату. Ты вырос, и я научил тебя основам лучшего ремесла. Ты можешь стать писцом, как твой дед, как твой отец, и как я, твой дядя.

– Здесь? – юноша обвел взглядом окружающее громадное строительство.

– Я же говорил тебе, что великий господин Бек, недавно назначенный главным царским архитектором, знает меня. И даже обещал пристроить тебя здесь на какую-нибудь должность.

– Господин Бек? Это тот толстый уродливый мешок с дерьмом?

– Тихо! Не то кто-нибудь услышит!

– Но ты сам его так называл, дядюшка.

– Вот дурак! Тебя нужно лишить языка. Это твой главный враг, Нехези, и если ты сам его себе не укоротишь, то потеряешь свою голову. Я когда это говорил? В те времена Бек не был таким вельможей, как стал теперь.

– Но разве он стал от этого более привлекательным?

– Заткнись! – старик залепил племяннику оплеуху...

Только к концу дня, когда солнце уже стало клониться к закату, они смогли найти ставку главного архитектора фараона. Благородный господин Бек, пребывал на строительстве роскошного дома с высокими колонами. Здесь он лично все проверял и ругал мастеров за малейшую оплошность.

Юноша, когда увидел архитектора, был поражен произошедшей в нем перемене. Этот человек из-за жары был облачен только в юбку и не носил в данный момент своего пышного парика и никаких украшений, но на его лице читались власть и доверие фараона. Владыка дал ему одну из крупнейших должностей в Египте, и теперь Бек вел себя так, словно общался с существами, стоявшими много ниже его по своему развитию.

Когда он заметил дядюшку и юношу, то его подведенные черной краской брови гневно поползли вверх.

– Что это? – указал он пальцем на пришедших начальнику стражи. – Что это за бездельники? Я же приказал строго следить, а тем, чтобы вокруг не было ни одного бездельника. Ты же знаешь, о приказе Его святейшества построить новый город как можно скорее! И поэтому каждый, кто теперь лодырничает, оскорбляет самого владыку, сына солнца, живущего в правде фараона Эхнатона!

– Но это не мои люди, великий господин, – произнес начальник стражи ливийский наемник с львиной гривой на голове и мощным мускулистым торсом. – Я их здесь никогда ранее не видел.

– Вот как? Подведите их ко мне! Быстро!

Двое солдат, повинувшись команде своего начальника, бросились к пришедшим. Они грубо подтолкнули их к главному архитектору.

– Кто вы такие? И почему слоняетесь здесь без дела? Кто вас сюда пустил?

Дядюшка покорно склонился в низком поклоне и заставил своего племянника сделать тоже самое. Они не упали ниц перед лицом грозного чиновника, что говорило об их положении в иерархии царства Египетского. Должность писца считалась весьма почетной, и давала право на определенные привилегии.

– Мы прибыли из Фив, великий господин, – подобострастно ответил дядя.

– Из Фив? Твоя хитрая рожа мне кажется знакомой, старик! Но ты столь пропылен и грязен, что я сразу не могу понять, откуда могу знать тебя. Ты из жрецов храма Амона?

– Нет, великий господин. Я не принадлежу к сословию жрецов Амона. Я скромный писец. И хотя раньше, я был допущен в храм, но уже давно занимаюсь своим делом без покровительства жрецов. Я содержу школу, где учу юношей письму и изящной словесности.

– Так ты Бата? И это твои ученики работают у почтенного Неферемхеба и переписывают его собрание папирусов?

– Именно мои ученики, великий господин.

Отношение архитектора к прибывшим сразу же изменилось. Люди, владевшие стилем и умением переносить мысли и слова на папирус, всегда находили себе работу и были неплохо обеспечены.

– Я действительно припоминаю, что просил передать тебе через моего посланца прибыть сюда вместе с лучшим учеником твоей школы.

– Я выполнил твой приказ, великий господин.

– Но тогда где твой ученик?

– Он рядом со мной, великий господин, – старик Бата, жестом указал на своего племянника.

– Этот? – толстый архитектор с удивлением посмотрел на грязного юношу. – Признаться, я принял этого парня за твоего раба, что водит твоего осла или мула. Почему же он столь грязен?

Юноша знал ответ на этот вопрос, но ничего не стал говорить. При разговоре старших младшие всегда молчат. Почтенный наставник Бата его родной дядя, нарядил племянника в самые дрянные обноски, да и сам оделся победнее. Этим он хотел выпросить щедрые субсидии на содержание его школы от правительства фараона. Посмотрите-ка на мох юношей, они бедны, и плохо одеты, но чрезвычайно талантливы. Они принесут империи много добра, если вы станете жертвовать на школу старого учителя писцов Бата.

– Моя школа не пользуется покровительством храма Амона, великий господин. Что могу заработать я, ничтожный учитель?

– Но ты учишь детей богатых господ. Что же они не платят тебе, Бата? – спросил главный архитектор.

– Ты видно, по великой занятости государственными делами, позабыл, что я обучаю талантливых юношей, отобранных мной из низших слоев общества. Ибо талант не везде встретишь в богатых домах. Но драгоценные жемчужины разума ютятся по хижинам бедняков и даже среди рабов, великий господин.

– И ты отыскиваешь эти самые жемчужины, не так ли?

– Именно так, великий господин. И я привел тебе одного из таких парней. Без хвастовства могу сказать тебе, что он лучший мой ученик. И не потому, что это мой племянник, сын писца и племянник писца, но потому что свыше одарен этой премудростью как никто иной.

– А это мы сейчас проверим. Идите за мной. Убрать охрану! Эти люди прибыли сюда по моему приказу!

Бек пошел первым, а пришедшие писцы последовали за ним.

– Это мой дом, который владыка повелел соорудить для меня, – гордо заявил главный архитектор, обведя рукой большой зал с высокими колонами. – Он уступает только Храму солнечного Атона и дворцу Его святейшества фараона Эхнатона. Я сам проектировал его, и получилось великолепно!

Дом был уже возведен и рабочие закончили даже крышу. Оставалось завершить роспись стен, без чего ни один богатый дом в Египте домом не считался.

Юноша заметил несколько десятков рабочих разводивших краски. Два плотника соорудили леса, с которых художники станут расписывать потолки.

Бек провел их в небольшую комнатку, где находился худой старик в белом жреческом одеянии. Он сидел на полу на циновке и чертил тонкой заостренной палочкой для письма знаки на папирусе.

– Вот, привел тебе того, кто станет помогать в работе, – произнес прямо с порога архитектор.

Старик поднял лысую голову и уставился на вновь прибывших.

– Этот? Но это старик! Зачем мне старик? Я сам старик. Мне нужен кто-то помоложе. Неужели так трудно это понять?

Юноша заметил, что старик говорит с главным архитектором слишком вольно и позволяет себе то, чего ни один писец, будь у него хоть руки из золота, себе позволить не может.

– Я всегда говорил, – стал продолжать старик, – что искусство письма требует длительной подготовки и напряженного, изнурительного труда. Только так можно достичь, в конце концов, совершенства в этом трудном и удивительном деле. Разве может быть, что-либо более удивительное, чем переложить человеческие мысли, слова и деяния на папирус? Со стен гробниц черпаем мы информацию, оставленную нам древними писцами о деяниях фараонов и других владык. Они оставили нам сведения о взлетах и падениях царства Египетского. И эта информация воистину бесценна.

– Но ты просил лучшего писца, и я привел тебе его. И это совсем не старик. Старик его воспитатель. А твой новый помощник, вот этот молодой.

– Что? – старик удивился еще больше. – Этот? Но это же совсем молодой человек! Ты что издеваешься? Я не потерплю такого обращения со мной, даже от главного архитектора фараона. Я тебя поднял до высот, и я же стану тебя опускать! Пожалуюсь завтра же царице-матери! А она сумеет убедить Его святейшество, что ты далеко не единственный хороший архитектор в стране Кемет! ⁶

– Ну, не гневайся, – примирительно заявил Бек. – Ты, прежде чем кричать и грозить мне, проверь этого человека. Ведь искусство письма можно проверить, не так ли? И сделать это совсем несложно.

– Хорошо! Но если мальчишка не справится с испытанием, эти двое получат по 25 ударов палками по пяткам. А ты можешь попроситься со своей высокой должностью и своим новым домом.

– Отлично! Я прикажу мои ливийцам приготовить палки. И если они меня обманули, то не уйдут отсюда на своих двоих, а поползут на животах! – архитектор стал смеяться своей шутке.

Старик ничего не ответил и жестом приказал юноше сесть рядом с собой на циновку. Он протянул ему лист папируса и палочку для письма.

– Краски перед тобой!

– Но что я должен написать, господин? – спросил юноша.

– А то, что ты видел по дороге сюда. Строящийся город. Но написать ты должен так, чтобы отразить величие того момента, что ты видел. Ибо писец не только умеет выводить иероглифы, но видит гораздо больше, чем простой ремесленник или крестьянин.

Ненхези взял в руки палочку и подвинул к себе краски.

«Что же мне писать? – думал он. – О каком величии говорит этот странный старик? Что здесь великого, если я видел только грязь и пот тысяч тружеников, и слышал площадную брань и ни одного культурного и возвышенного слова? Но если я напишу все это, то меня не поймут. Более того, обвинят в отсутствии таланта. Нет. Нужно что-то придумать. Да и дядя смотрит на меня с надеждой. Итак, с чего же начать?»

Он макнул палочку в краску и стал выходить первые знаки на папирусе:

---

⁶ Кемет – название Египта, что переводиться как «Черная земля».

«Я видел – поднимается новый город к вещей славе Великого Солнца. Новая заря встает над страной Кемет. В мгновение ока по воле живущего в правде повелителя возвысился в прежде пустынном месте высокий храм Атона в новом жилище света...»

Писал он долго, тщательно вырисовывая каждый знак. Вроде получилось и величественно и просто.

– Дай сюда папирус! – не стал ждать более старик и, схватив его своей рукой, поднес к глазам. – О!

Писец явно не ожидал такой прыти от юноши и совершенно не рассердился бы, если тот начертал хотя бы одну фразу за это время. Но результат превзошел все ожидания. К нему пришел тот, кого он так давно искал...

Дядюшка Бату уводил с собой пять мулов, нагруженных добром и подарками. Его племянник пришелся ко двору, и он получил задание резко увеличить число учащихся своей школы. При новом дворе в новой столице потребуется множество ученых людей.

Главный архитектор Бек также и от себя щедро наградил старика.

– Я доложу о тебе и твоей школе Его святейшеству фараону Верхнего и Нижнего Египта. Скоро столица переместится из Фив сюда в новый город. Жди моего гонца. Твоя школа, может быть, будет расположена здесь.

– Это больше, чем я заслужил, великий господин.

– Но есть одно условие твоего успеха в жизни, Бата.

– Какое?

– Ты говорил, что жрецы Амона в Фивах не помогают тебе?

– Да, это так.

– Так вот если они сейчас предложат тебе помощь, то ты откажешься от неё. И посещай новый храм Атона! Скоро Его святейшество будет в Фивах. А ты почаще попадайся ему на глаза в новом храме.

– Жрецам Амона это может не понравиться.

– А ты потом мне скажешь, кто эти жрецы кому не понравилось, – глаза Бека хищно сверкнули.

– Будет так, как ты велишь, господин.

– Это воля Его святейшества фараона Эхнатона.

Бата получил для охраны 15 воинов из ливийской гвардии. Теперь у него было что отбирать, и путешествовать без конвоя было небезопасно.

Он ехал на своем муле и размышлял. Ему страшно не хотелось входить в конфликт с могущественными жрецами Амона. Эти люди могли при случае и заменить Его святейшество на троне, если он станет им неудобным. Такое уже бывало прежде. А культ нового бога Атона еще слишком слаб. Да и не понимает его большинство населения. Особенно это касается бедноты. Бата много раз слышал, как они говорили, зачем де фараону этот новый бог? Разве мало Египту старых богов?

Бата был человеком мирным и больше всего любил покой и философское созерцание. Хотя и милостью сильных мира никогда не пренебрегал. Любовь к комфорту была в нем не менее сильна, чем любовь к философии. Впутаться же в придворную интригу – значит попроситься с покоем. Разгневать фараона дело опасное. Но и жрецы в Фивах могут страшно отомстить. Вот и думай, как поступить, и как всем угодить.

Конечно, Эхнатона пока терпят, но он все больше и больше начинает зарываться. Такого в Египте не вытворял ни один владыка. Даже такой могущественный фараон как Тутмос III. Тот делал свое дело и постоянно воевал, но жреческие курии он не трогал, и отдавал им часть военной добычи. За это они превозносили фараона до небес и были надежной опорой власти.

Нынешний фараон прёт, как разъяренный бык и ежедневно наживает себе врагов. Быть популярным при таком повелителе – дело более чем опасное. Вот почему Бата привез в новый город племянника, а не старшего сына, который гораздо лучше Нехези мог и писать и составлять священные тексты. Нет. Сын будет при нем, а при дворе пусть блистает племянник, если сумеет понравиться власть имущим. Если же Эхнатона свергнут с престола, то он в стороне. Племянник это не сын и от него всегда модно отказаться. А при случае, если все повернется в другую сторону и ситуация сложится в пользу сторонников нового бога, Нехези и помочь сможет. Ведь средний сын Бата военачальник египетского корпуса в Мемфисе был убежденным противником нового царя. Он, как и другие военные мечтал о новых завоевательных войнах в Сирии и Палестине. Но Эхнатон воевать совсем был не расположен.

«Стоит посещать и новый храм Атона и верховного жреца старого бога Амона. Мне есть, что ему порассказать. Этак я сумею выждать время, и посмотреть чем кончатся реформы нашего сумасбродного владыки...»

Город Ахетатон вырос в обширной долине, окруженной скалами, на расстоянии 160 миль выше Дельты и на 800 миль ниже старой столицы города Фивы.

Высокие скалы, словно стены громадной крепости, защищали новый город фараона от всего остального Египта. И это было символом того, что отсюда будет вестись война владыки против своих врагов, среди которых могут вскоре оказаться большинство его подданных.

Вся окрестная территория нового города была провозглашена собственностью самого бога Атона, а не фараона. Об этом возвестили четырнадцать больших стел высеченных в живом камне окружающих город гор.

Как раз такое задание и было дано новому писцу Нехези.

Он стал служить у экзаменовавшего его старика, который оказался не простым старшим писцом, а важным сановником при Эхнатоне. Этого человека звали Иуйя и он был родным отцом матери царствовавшего фараона царицы Ти. И именно этот человек еще в правление Аменхотепа III, отца Эхнатона, выдвинул идею единого бога солнечного диска Атона.

– Ты еще слишком молод, Нехези, – говорил старик Иуйя, – чтобы хорошо понять, что сейчас происходит в Египте. И большинство, так как и ты, идет за фараоном в ожидании многочисленных выгод и пожалований. Но мало кто понимает сущность нового культа. Вот ты переписывал, мои папирусы. Понял ли ты мою идею там изложенную?

– Не совсем, господин. Я знаю, что культ Атона существовал и раньше в Гелиополе. И там также утверждали, что Атон есть солнечный диск. И он свободно уживался с другими богами.

– Это так, но та концепция единого бога была неверна. Многобожие вредно для Египта и для любого иного народа. И люди в свое время придут к осознанию того, что бог един! И я всегда хотел, чтобы первыми к этому пришли египтяне.

– Но, господин, величие Египта именно в своеобразии его богов, которые защищают наш народ. Эти боги помогали нам победить. В свое время, господин, чужаки завоевали Египет и хотели привить нам культ своего бога Апопа. Злого змея, что был врагом Амона-Ра. Он хотел проглотить солнце, и тогда наша культура исчезла бы, или растворилась в культуре завоевателей. Но фараон Яхмос под знаменами наших богов спас Египет и снова сделал его великим. Разве не так, господин?

– Я, конечно, не отрицаю роли Яхмоса и его сторонников в деле освобождения страны от иноземного ярма. Но они, завоеватели, не поклонялись Атону. А Атон – великое солнце – сияет для всех народов. Посмотри на небо! Это не нужно доказывать. Он дарит нам свои лучи и под ними все расцветает, и все мы получаем различные блага и пищу. И если везде станет он богом Единственным, то все царство Египетское от Дельты до Нубии сольется в новом и несокрушимом единстве.

Нехези хотел возразить старику, но не решился. При сильных мира сего не стоит распускать язык. Хотя ему так и хотелось сказать, что пока культ нового бога только разделил Египет глубокой трещиной.

– В будущем ты поймешь истину, Нехези. Но пока ты еще слишком молод, – старик тяжело вздохнул и протянул руку к папирусу, который держал молодой писец. – Что ты там написал? Дай посмотреть.

– То, что ты велел, господин. Эта надпись будет выбита на скале под знаком бога Атона, если тебя удовлетворит её содержание.

– Посмотрим, достаточно ли твое творение поэтично, чтобы увековечивать его в камне. Он развернул папирус и стал читать написанное:

«Когда ты сияешь с восточного горизонта,
Ты наполняешь всю землю своей красотой.
Когда ты тонешь за западным краем небес,
Земля покрывается мраком, словно объята смертью.
Земля светлеет с твоим восходом,
С появлением твоего сияющего диска начинается день.
Перед твоими лучами темнота обращается в бегство».

– Я не ошибся в тебе юноша, – произнес Иуйя, подняв глаза от папируса. – Твои слова достойны камня и работы, что будет потрачена на их вырубку.

– Благодарю тебя за столь высокую оценку моего труда, господин, – поклонился Нехези.

– Я решил представить тебя фараону.

– Что, господин? – встрепенулся юноша. – Ты не ошибся? Представить меня лично Его святейшеству? Но заслужил ли я столь высокую честь? Я всего несколько месяцев живу в строящемся городе. И я еще так мало смог сделать.

– Ничего. Моему внуку фараону нужны способные и умные люди. И ты один из таких людей.

– Но почему ты сам не поможешь фараону, господин? Твоя мудрость безгранична.

Старик тяжело вздохнул и произнес:

– Я стар, Нехези. И скоро мне предстоит уйти. Фараону же нужны молодые помощники. Около трона недавно появился некий проходимец по имени Мерира. Ты слышал о нем?

– Мерира? Но это бывший жрец храма Амона в Фивах. Его изгнали из состава жрецов за слишком разнузданное поведение и разврат. У нас все слышали о скандале, когда этого человека поймали в постели замужней женщины.

– Это именно он. И этот пройдоха чем-то сумел понравиться фараону. Проходимец заявил, что желает служить владыке и истинному богу Атону. Солнечный бог видит, о таких ли сторонниках Атона я мечтал? Я думал, что в новую религию перейдут люди чистые сердцем. Я думал, что Атон осветлит их помыслы и направит их дела во благо. Но все происходит не так.

– Но почему ты не скажешь фараону об этом Мерира? Он послушает тебя, господин.

– Сказать можно, но зачем? У престола сразу же появится новый проходимец, а затем еще, и еще. Лучшее, что я могу в этой ситуации сделать, это отправить Эхнатону тебя. Но вот сумел ли я правильно разглядеть то, что у тебя внутри?

– Ты видишь людей насквозь, господин, – склонил голову Нехези.

– Вижу ли? Раньше я тоже так думал, но теперь не уверен. Умею ли я читать в человеческих душах, Нехези? Многие жрецы говорят, что глаза зеркало души человека, но многие ли смогут увидеть в этом зеркале душу? Теперь я думаю, что немногие. Люди, особенно те, кто хочет приблизиться к трону, умело скрывают свои души крепким панцирем и заглянуть туда трудно. Вот ты учился в школе Бата в Фивах. Разве не учили вас льстить и приспосабливаться?

– Бата называл это по-другому. Мысли простых людей, занимающихся черным трудом, просты и грубы, подобно неограниченному драгоценному камню, – вспомнил уроки Баты Нехези. – А мысли людей приближенных к трону должны блистать подобно истинным драгоценностям. Огранка камня подобна образованию и учености и именно она делает человека человеком, а не выучным мулом.

– Да это так. Твой дядя прав, Нехези. Но не стоит забывать, что именно эта образованность затуманивает зеркала человеческих душ. А я думал, что царство Атона будет царством чистых. Конечно, рано или поздно именно так и будет, но как скоро? Сколько времени нужно на исправление природы человеческой?

Нехези поклонился в знак покорности своему господину. Старик посмотрел на него и тяжело вздохнул.

– Ты отправишься в Фивы с посланием фараону от меня. Отправишься не просто так, но как государственный человек Египта. На колеснице в сопровождении отряда гвардейцев фараона.

– Это большая честь для меня, господин.

– Это не только честь, но испытание для тебя, Нехези. При дворе тебя ждут соблазны. И эти соблазны могут развратить твое сердце. И ты или превратишься в одного из многих жадных до почестей и власти людей, или останешься чистым.

– Я обещаю, господин, что...

– Нет! – прервал его Иуйя. – Не нужно ничего обещать, Нехези. Я ничего не стану тебе навязывать. Этот выбор ты совершишь в своем сердце. А прикинуться праведным легко, но нужно быть праведным, а не прикидываться им. Тех, кто прикидывается много.

– Но и уверовать в одну Итину сложно, господин. Столько людей говорят, что именно их Истина самая правильная. И все могут это доказать. Как разобраться во всем?

– А вот этот вопрос самый правильный, но я не могу тебе на него ответить, Нехези. Ладно, хватит об этом. Иди. Завтра ты отправишься в путь. А твои слова уже сегодня будут переданы камнесечцам...

Пустыня у статуи Сфинкса

1358 год до новой эры

Шестой год правления фараона Аменхотепа IV (Эхнатона)

Сердце Нехези ликовало! Он, всего лишь несколько месяцев назад отправившийся в путь на муле вместе со своим дядей, теперь возвращается в золоченной колеснице, запряженной четверкой великолепных белых коней. Его сопровождали еще пять колесниц гвардии фараона. Было от чего возгордиться!

Теперь его юбка изготовлена из тончайшего белого льна, а пояс сверкал золотыми бляшками. На его шее нагрудное ожерелье – подарок Иуйя – из шести рядов бус с двумя застежками в виде голов сокола.

На запястьях нового писца – модные среди золотой молодежи – браслеты с изображениями скарабеев. Их также подарил Нехези дед фараона, сказав, что он должен выглядеть при дворе владыки не хуже любого «знатного щенка».

На ногах Нехези были модные сандалии, плетенные не из папируса, но из кожи с золотыми нитями! Ремешок от носка подошвы проходил между первым и вторым пальцами ног, и соединялся на лодыжке с другими при помощи золоченных ремешков. Они сами по себе стоили целого состояния.

«А ведь старик был совершенно прав! – мысли роем носились в его голове. – Я радуюсь красивым вещам как младенец. И благодаря им, я выгляжу совсем по-другому. Совсем не так как в школе моего дяди. И меня в таком наряде скорее всего не узнают на родной улице. Так значит, стоит одеться богаче, и на твоём лице сразу появится значение? А они еще говорят

о природном величии, что переходит от благородных предков! Я сейчас гордо держу голову поднятой, и только потому, что одет так нарядно. Больше того, я чувствую себя настоящим вельможей».

Колесницы мчались вперед, поднимая за собой тучи песка. Возница профессионально направлял четверку сильных лошадей и Нехези стоявший рядом с ним чувствовал ветер скорости.

Вдали показалась статуя Сфинкса. Страшное место, о котором Нехези уже слышал от своего дяди, когда они ехали в Ахетатон в первый раз. Тогда Бата приказал племяннику поторопить мулов и быстро миновать проклятое пятно пустыни, окутанное тайной.

– А в чем дело, дядюшка? – спросил тогда он.

– Здесь часто видели людей из состава черных телохранителей фараона.

– Черных телохранителей? А кто это такие, дядя? Я никогда не слышал о чёрных телохранителях.

– Ты лучше никогда не произноси этих слов, когда рядом кто-нибудь из незнакомых тебе людей. Существование этого отряда является одной из самых страшных тайн Египта. Даже сам фараон может ничего не знать о них, но они есть, и на их содержание тратятся громадные суммы из государственной казны.

– Но чем они занимаются, дядя?

– А вот внутри этого Сфинкса, – дядя показал на статую, – есть следы деятельности этого отряда.

– Внутри? – Нехези внимательно посмотрел на 20-метровую статую, но ничего странного не заметил.

– Они хранители царства мертвых, Нехези. И они противостоят братству грабителей могил. О них-то ты, я думаю, слышал?

– Конечно. Стать у них на пути весьма опасно, дядя. Хотя все честные египтяне должны ненавидеть нарушителей покоя мертвых.

– Ненавидеть? О, как просто юноша дарит ненависть и любовь. Кто знает, кого в этом мире нужно больше ненавидеть. Что лично тебе сделали грабители могил, Нехези?

– Мне? – удивился юноша. – Они нарушают покой умерших, а это...

– Постой, – дядя прервал его словоизлияния. – Вот у тебя пока ничего нет. Это так?

– Да, дядя.

– И если завтра ты умрешь, то никто не позаботится о твоём теле и достойной гробнице для него. У меня самого нет пока достойной гробницы. Хотя я уже старик и в жизни немало потрудился. А у богачей есть все! И роскошные обиталища и лучшие бальзамировщики, и лучшие архитекторы Египта. Так чего тебе, нищему, бояться грабителей могил, если у тебя пока нет гробницы, и ты даже не знаешь когда начнешь её строить?

– Я не могу понять вас, дядя. На уроках вы говорили иное.

– Нужно четко разделять, что и когда можно говорить, Нехези. Здесь когда рядом с нами нет лишних ушей можно сказать и такое, о чем в Фивах говорить не следует. А насчет грабителей могил – то погоди их ненавидеть. Вначале займись богатством. Но помни о людях со знаками Анубиса на руках. Помни о черном отряде, Нехези, и не становись никогда у них на пути.

Тогда Нехези со страхом смотрел на Сфинкса, и будь он по-прежнему одет в рубище, то последовал бы совету дяди. Но теперь он думал иначе. Теперь он хотел специально нарушить запрет.

И потому, когда снова вдали показали очертания статуи Сфинкса – стража пустыни – его одолели любопытство и гордыня. Он шепнул вознице-ливийцу:

– Останови колесницу возле статуи.

– Да, господин!

Ливиец виртуозно остановил колесницу. Кони, почувствовав руку возницы, резко стали, и легкую колесницу слегка занесло в сторону. Нехези поднял руку, и остальные колесничие остановили лошадей.

К посланцу подъехал командир эскорта. Судя по внешности, это был не ливиец, а египтянин. Совсем молодой военный среднего роста с широкими плечами настоящего воина.

– Ты приказал здесь остановиться, господин? – спросил он.

– Да. Мне нужно посмотреть, что внутри этой статуи.

– Но, это не совсем хорошая мысль, господин. Такие статуи трогать не рекомендуется.

– Ты, египтянин? – спросил Нехези.

– Да. Но за искусство сражаться несколькими видами оружия меня назначили одним из младших командиров ливийской гвардии фараона.

– Как твое имя?

– Хоремхеб.

– Тогда я предлагаю тебе пойти со мной. Конечно, если ты согласен.

– Я обязан исполнять все твои приказы во время нашего путешествия в Фивы. Но, войдя внутрь, мы можем вызвать гнев сильных.

– Сильных? Я до недавнего времени думал, так же как и ты, Хоремхеб. Но сейчас судьба дарит мне возможность самому побыть сильным и никого не бояться.

– Твоя воля, господин, – покорно склонил голову офицер.

– Я не хочу приказывать тебе, Хоремхеб. Но я хочу заглянуть туда и я это сделаю. С тобой или без тебя.

Нехези спрыгнул с колесницы и направился к статуе. Хоремхеб последовал за ним, приказав солдатам ждать.

Они обошли вокруг статуи, и Нехези заметил вход. Проникнуть внутрь каменного колосса можно было только одним способом – поднявшись на высоту около 15 метров.

– В эту статую можно попасть только через вот этот вход. Смотри, Хоремхеб. Там есть скрытая дверь.

– Ты прав, господин. Не такая уж она и скрытая. Её отлично видно со стороны. Но чтобы туда добраться, нужна лестница.

– И она где-то здесь есть. Не приносят же те, кто сюда заходит, её с собой. Этой крайне неудобно.

– Ты, прав, господин.

– Ты зовешь меня господином, а знаешь, что я всего несколько месяцев назад был простым...

– Я слышал о тебе, господин, – прервал его солдат. – И это неважно кем ты был вчера. Важно кто ты сейчас, а еще важнее, кем ты станешь завтра.

– А ты знаешь, кем я стану завтра? – Нехези посмотрел на Хоремхеба.

– Большим господином. Тебе уготован высокий жребий, и твой час подняться над людьми уже пришел. Доказательством тому служит то, что ты хочешь сделать сейчас. Ни один египтянин не посмел бы проникнуть в Сфинкса. Но ты не боишься, разгневать грозных людей, и значит, боги уже отметили тебя.

– Но ты также последовал за мной. Значит, и тебя ждет высокий жребий?

Хоремхеб смолчал.

Если бы молодые люди могли заглянуть в будущее, то они сильно удивились бы. Много лет спустя этот молодой офицер станет фараоном Египта, женившись на одной из принцесс крови...

Солдат расчистил песок под своими ногами, и увидел там лестницу.

– А вот и то, что мы искали с тобой, господин. Лестница. Те, кто приходит сюда, не утруждают себя тем, чтобы прятать её. Присыпали песком и все.

– Отлично! Приставим её к статуе. А ты не боишься гнева богов, Хоремхеб? Ведь мы сейчас совершаем святотатство.

– Богов? – усмехнулся офицер. – А чем они могут напугать меня, господин?

– Проклятием после смерти. Вечным проклятием в царстве мертвых.

– Беглый миг, когда я вижу луч солнца, стоит для меня больше вечности и господства в царстве мертвых.

– О! Да ты из тех, кого в храме Амона называют безбожными нарушителями веры, Хоремхеб. Но для меня это только качество, что отлично тебя характеризует.

– Я держу свои взгляды при себе, господин. И не нарушаю порядок, что установлен в Египте. А мои мысли касаются только меня одного.

Лестница была приставлена, и Нехези первым стал карабкаться вверх. Он отворил дверь, которая скрипнув, обнажила вход внутрь статуи. Тяжелый воздух ударил в нос писца. Это был запах смерти!

Молодой человек без страха шагнул внутрь довольно просторного помещения.

– Да этот Сфинкс внутри полый! Здесь сотню солдат можно разместить, – проговорил он. Хоремхеб последовал за Нехези.

– Чем только здесь так отвратительно пахнет?

– А ты посмотри себе под ноги, Хоремхеб.

Офицер посмотрел вниз и вздрогнул всем телом. Под его ногами были человеческие черепа. Сотни черепов!

– Что это? Кто же это сделал? – спросил он. – Ты знаешь, господин?

– Не больше твоего. А вот мой дядя, похоже, кое-что знал. Но не пожелал мне ничего рассказывать. Он только сказал, что стоит опасаться людей с татуировками Анубиса на руках.

– Бога мертвых? Я слышал о том, что Сфинксы служат для наказания преступников, но не думал, что это территория стражей мира мертвых, господин. Неужели мы пересекли границу их владений?

– Я же тебе говорил, что мы совершаем святотатство.

– Говорил, но мы потревожили не богов, господин. Стражи опаснее богов. Они существуют на самом деле и умеют мстить. Нам лучше немедленно покинуть это место.

– Иди! Я ведь не держу тебя, Хоремхеб.

– Но я отвечаю за твою безопасность!

– Тогда следуй за мной. Я чувствую, что должен был сюда попасть. Это дорога моей судьбы.

Нехези прошел дальше в другое помещение поменьше зала черепов. Здесь зрелище еще более впечатляющее!

Писец замер на месте.

– Это нам не кажется?

– О! – воскликнул офицер.

С потолка камеры свисали десятки ремненных петель, в которых были подвешенные за руки высушенные трупы людей! Вот откуда исходил запах смерти!

Нехези и Хоремхеб закрыли носы ладонями, не в силах дышать этим смрадом.

– Здесь поселилась смерть, господин! Уйдем отсюда.

– Да, да, уйдем, – произнес Нехези, и уже собирался последовать за офицером, но неожиданно до его слуха донесся тихий стон.

Молодой писец испугался, и первым его желанием было бежать, но он сумел овладеть собой. Неужели там, среди трупов был еще кто-то живой? Если так, то он просил помощи!

Нехези вернулся и пошёл на звук. Стон снова повторился, и он увидел голую страшно исхудавшую молодую женщину. Она тихо стонала и пыталась что-то сказать распухшими губами. Она умирала. Юноша охватил её за торс рукой и срезал петлю.

Женщина была необычайно легка от истощения, и писец спокойно вынес её из камеры смерти...

Нагую женщину прикрыл своим плащом Хоремхеб, чтобы она, придя в себя, не смутилась, увидев вокруг так много мужчин. Затем офицер немного смочил её губы водой из фляги.

– Она чуть жива, господин, – Хоремхеб повернулся к Нехези.

– Чудом не умерла. Солнце и страшное зловоние должны были убить её. Её там поместили не одну, но висевшие вокруг сильные мужчины умерли, а она нет. Некто там наверху не захотел этого. Я же говорил, что мысль заглянуть в Сфинкса, была подсказана мне кем-то.

– Ты говоришь о богах, господин?

– Богах? Нет. Но в школе моего дяди я слышал историю, как наш фараон, еще будучи принцем, заблудился в пустыне и солнце также должно было его убить. Но он выжил и через три дня его нашли. С того самого времени он уверовал в могущество бога Атона.

– Ты намекаешь на то, что и её пощадил Атон?

– Может быть. Ведь Солнце видит и знает все.

Через час женщина очнулась и попыталась вскочить, но Нехези попросил её не беспокоиться и лежать:

– Тебе сейчас не стоит делать резких движений.

– Кто вы? – спросила она, пронзив Нехези взглядом своих огромных голубых глаз.

– Мы слуги фараона. Не беспокойся – мы не дадим тебя в обиду.

– Вы спасли меня из статуи Сфинкса? Вы? Не могу в это поверить. Но как вы могли осмелиться?

– Тебя спас господин Нехези. Именно ему ты обязана жизнью, – произнес Хоремхеб.

– Но вы разве не знаете, кто я? – спросила спасенная.

– Нет. Ты ведь еще не назвала нам своего имени.

– Я была «рабыней-сфинкса», а из них еще никто не оставался в живых! Вы меня слышите? Все заключенные в той страшной статуе, и в других таких же, обречены на смерть и вечные страдания после смерти. Там в статуе я видела лицо смерти.

– Ну, значит ты первая в своем роде. Первая спасенная, на кого смерть только посмотрела.

– Но меня приговорили эти демоны с головами шакалов. И они не оставят меня в покое, пока я не умру. Приговор стражей мира мертвых должен быть исполнен. Слуги Анубиса никогда не оставят своей жертвы, подобно злобным пустынным шакалам. Больше того их гнев падет на вас. И если они сейчас придут сюда, то ваши солдаты не станут вас защищать. Все египтяне боятся этих тайных стражей загробного царства.

– Станут, – решительно заявил Хоремхеб. – В твоих словах есть истина. Но это только если дело касается египтян. А среди моих воинов ливийские наемники. Им плевать на всех Анубисов и всех стражей. Они поднимут оружие по моему приказу. Но, те, кто так поступил с тобой, действительно опасные люди.

– Как тебя зовут, раба Сфинкса? – задал вопрос Нехези.

– Мерани, добрый господин, – ответил спасенный. – Таково действительно мое имя. Именно так называли меня отец и мать. Затем я часто вынуждена была менять имена.

– А мое имя Нехези и я еще никогда не менял его. А его зовут Хоремхеб.

– Я стану чтить ваши имена, как жрецы чтят имена богов.

– А за что же тебя так жестоко наказали, Мерани? Что можно сделать, чтобы заслужить подобное? – Нехези указал на статую Сфинкса. – Такая ужасная смерть для молодой женщины.

– Я принадлежу к братству... – Мерани запнулась, но затем все-таки произнесла страшное слово, – к братству грабителей могил.

– Нарушители покоя мертвых? – удивился Нехези.

– Да, господин. И ты теперь можешь пожалеть, что вступился за меня. Нас не слишком жалуют египтяне, живущие по указке жрецов.

– Может быть, я и стану об этом жалеть, но сейчас твоя жизнь спасена, и я не стану тебя казнить во второй раз. Я ведь не состою среди тех мясников, что устроили там склад человеческих костей. Считай, что тебе не предназначено умереть сегодня. Ты поедешь со мной в Фивы.

– В Фивы? Но там меня сразу же схватят, господин. Многие там знают меня и жаждут мести.

– Ты уже успела и там наследить? Не много ли ты на себя берешь, Мерани? На вид тебе не больше 15 лет!

– Мне 14⁷, господин, – поправила его она.

– Тем более! Кто же на тебя там может столь сильно обижаться?

– Я вызвала ненависть жрецов Амона-Ра, – прошептала она.

– Вот как? И грабительница могил, и враг жрецов Амона-Ра? – удивился Хоермхем. – Не много ли поступков для юной девушки?

– Так повернулась моя жизнь, господин! – гордо ответила она. – Ты был хоть раз в мире мертвых?

– Ты имеешь в виду гробницы? Нет. Я никогда не грабил гробниц.

– Тот, кто идет туда не просто смелый человек, но человек бросающий вызов всем властным людям Египта и его традициям. Понимаешь что это такое? Не отвечай! Я вижу, что ни ты, ни он, ничего не знаете о нас.

Нехези не стал спорить с девушкой и примирительно произнес:

– Мой дядя также не в чести у жрецов Амона в Фивах. Но все-таки потихоньку продвигается по этой жизни и без их благословения. Ничего! Я дам тебе новую одежду, и ты преобразишься. Неужели ты боишься испытать судьбу еще раз? Вы ведь, как ты говоришь, люди смелые и рискованные.

– Говорят, что вам плевать на все проклятия фараонов, – поддержал Нехези Хоремхем. – И тебе боятся Фив?

– Я ничего не боюсь, – с вызовом произнесла Мерани. – Но сейчас я слаба и не смогу выдержать пытки достойно.

– Я сумею тебя защитить, Мерани. Не бойся. Но ты действительно слишком слаба, чтобы сейчас передвигаться с нами. А мы не можем здесь сильно задерживаться. Как же быть?

– Нет, нет, господин! Ты не знаешь силы нашего братства. Я глотнула воды и вполне смогу стоять третьим в одной из твоих колесниц. Она меня выдержит – я стала совсем тощей и невесомой.

– Тогда ты поедешь со мной в моей колеснице, – произнес Нехези...

Отряд прибыл в город. Боевые легкие колесницы с шиком подкатили к воротам, у которых стояла стража из 10 воинов. Это были довольно невысокого роста худощавые и смуглокожие солдаты египетского корпуса Амона.

Нехези знал, что они недолюбливали ливийцев и в городе между ними постоянно происходили кровавые потасовки. Вооружение солдат Амона составляли длинные деревянные копья

---

⁷ Сейчас возраст Мерани может показаться странным. Но во времена Нового царства в Древнем Египте девушку в этом возрасте выдавали замуж. Средняя продолжительность жизни в те времена составляла 35–40 лет.

с бронзовыми наконечниками и квадратные деревянные шиты. Из одежды на воинах только полотняные юбки до колен, некогда белого цвета, но теперь посеревшие от пыли.

Большие ворота только распахнулись, чтобы пропустить приезжих. Впускали всех без каких-либо вопросов. В город шла большая толпа торговцев. Они рвались на рынок с намерением сбыть горожанам столицы свой товар.

Увидев колесницы, торговцы отошли в сторону и стали кричать своим рабам, быстро отогнать с пути мулов и ослов с поклажей. Ехал важный чиновник.

Фивы называли в то время «семивратными» по количеству городских ворот. Здесь Нехези вырос, и он любил этот город и считал его самым лучшим местом в Египте, хотя еще мало, где успел побывать.

Город со времен Среднего царства стал столицей Египта, и сюда переместилась ставка фараона и его двор. С тех пор Фивы необычайно выросли в размерах и неустанно раздавались вширь. Сюда стекалось со всего Египта множество товаров, и город буквально лопался от довольства, изобилия и богатства.

Дядя убеждал Нехези, что Фивы самый процветающий город обеих земель, и никто не сравнится с ним по количеству великолепных храмов и дворцов. А старый Бата знал, что говорил. Он побывал за свою долгую жизнь во многих местах и в Мемфисе, и в городах Дельты, и в Нубии, и даже в далекой Сирии. Никто кроме него не знал так хорошо, культы богов разных частей Египта и разбирался в хитросплетениях борьбы жреческих группировок за власть и влияние.

Самым богатым культом в Фивах был культ Амона-Ра, солнечного бога, покровителя фараонов. И именно храмы Амона были самыми большими и величественными. Сокровищница жрецов этого культа, по мнению многих, была столь велика, что из неё можно было бы содержать несколько тысяч воинов в течение 20–30 лет!

Хотя сейчас у Фив появился достойный конкурент и вся слава и величие могли легко переместиться в гордый Ахетатон. Говорили, что скоро фараон переедет туда навсегда. Нехези уже видел грандиозность нового города своими глазами.

Они проехали в город. И уже за воротами Нехези приказал остановиться и слез с колесницы. За ним последовала Мерани. Нехези взвалил себе на плечо тюк с личными вещами.

– Хоремхеб, веди своих людей в казармы и дай им отдых. Здесь уже со мной ничего не случится.

– Но, господин. Мне приказано всюду тебя сопровождать. И я не смею ослушаться этого приказа.

– Мне не хотелось бы появляться на улицах города в сопровождении целого отряда. Да и не хочу я ехать на колесницах по набережной. Я пройду по кварталам ремесленников и писцов. А там колесницы не пройдут.

– Тогда я пойду с тобой один. А ливийцы и сами найдут дорогу в казармы.

– Против этого я возражать не могу. Отдавай приказы и идем.

Семивратные Фивы широко раскинулись на обоих берегах Нила, русло которого здесь было широким и полноводным.

Колесницы устремились к широкой набережной. Ливийские наемники не заставили себя просить дважды и помчались к своим казармам – к развлечениям и выпивке. Слишком долгое путешествие они совершили по раскаленным пескам пустыни.

Нехези, Мерани и Хоремхеб углубились в рабочие кварталы.

Вдоль реки располагались сотни лавок и мастерских, и гомон стоял невероятный. Люди спорили, ругались, смеялись, торговались, обсуждали новости.

Можно было только удивляться тому обилию различных народов, которые собрались в столице фараонов. Кого здесь только не было!

Чернокожие африканцы совсем не выглядели экзотикой. Сказывалась близость богатейшей провинции Египта золотоносной Нубии. Хотя в то время нубийцев хватало и на улицах других городов.

Рядом с ними были финикийские моряки с характерными тонкими талиями. Они прибыли сюда по Нилу со своими товарами и рассчитывали на большую прибыль. Черные волосы мореплавателей заплетены в традиционные три длинные косички, спадающие на плечи.

С моряками шествовал степенно критский купец, привезший на рынок ценнейший товар – выдержанную древесину – бревна, сплавленные из Ливана.

Здесь же были и полностью беловолосые, голубоглазые и светлокожие мужчины и женщины. Это были ливийцы, которых в последние годы в Египте стало слишком много. Эти жители северных пустынь охотно поступали на службу в ряды армии фараона.

– А у ливийцев неплохие женщины, – сказал Нехези, обратившись к Хоремхебу.

– Беловолосые? Да, хороши, но их мужчины необычайно вспыльчивы и ревнивы, господин. И только за взгляд, показавшийся им вызывающим, могут устроить драку. Они считаются почетными гостями Страны Кемет (Египта) и их запрещено задевать стражам порядка.

– Только эти стражи постоянно нарушают это приказ. Особенно солдаты корпуса Амона. Мой двоюродный брат служит в Мемфисе, а не здесь, но приезжая сюда, постоянно затевает с ними драки.

– Мне это знакомо, господин. Я с трудом прижился среди ливийцев в качестве командира. Но воины они отличные. Хотя и дороговато обходятся египетской казне.

– А меня всегда удивляла их кожа. Странные люди эти ливийцы, – произнесла Мерани, которая была, как и все египтянки стройной, но смуглокожей. – Они жители пустыни, и непонятно почему кожа у них столь светлая!

– А ты не знаешь? – спросил Нехези.

– Нет, Просвети меня, господин.

– Я слышал это от своего дяди. Он человек мудрый. Содержит школу писцов. Он говорит, что ливийцы в свою пустыню пришли из-за моря из странной страны, где правили великие правители божественного происхождения. И были они все как на подбор высокого роста и светлокожие. Дядя слышал эту историю в древнем храме в городе Саисе, который находится на севере Египта. И поэтому эти люди, как потомки богов, считают себя много выше всех здесь присутствующих.

– И ты веришь в это, господин?

– Не знаю. Мой дядя считает, что именно так и было. Но теперешние ливийцы давно растеряли таланты и знания своих божественных предков. Они давно превратились в варваров, и ничего кроме внешности от предков у них не осталось.

Дорога еще более расширилась, и народу стало много больше. Они попали в торговые ряды.

– Ты ведешь, нас к своему дяде, господин? – спросил у Нехези Хоремхлеб.

– Именно к нему. Там мы сможем отдохнуть помыться и переодеть нашего спасенного друга. А то мне потом идти во дворец фараона, для передачи послания от его деда.

– Во дворец? – искренне изумилась Мерани. – Но кто же ты такой, господин, что тебя принимают во дворце Его святейшества?

– Меня там еще никогда не принимали, до этого. И это будет мой первый визит туда. И если повезет, то не последний. У нас судьбы людей иногда складываются странным образом. Попасть во дворец – редкая удача.

Теперь они попали в гущу простого народа. Рядом шли уже не чопорные ливийцы, которые скрылись из виду, а группа простых крестьян. У них были смуглые и загорелые тела бронзового цвета, прикрытые только сероватыми набедренными повязками. Он тащили тяжелые

корзины с мукой. А небольшой коренастый человек нес на могучих плечах целого теленка, сгибаясь под своей ношей.

Крестьяне покорно уступали дорогу блестящему придворному, каким казался Нехези, и офицеру гвардии фараона. Мерани, в большой, ей не по размеру, солдатской накидке, все принимали за раба господина и искренне удивлялись тому, что не раб тащит вьюк, а сам придворный.

Вдруг, прямо перед ними возникла фигура в темном плаще. Она загородила дорогу Нехези, и тот вынужден был остановиться.

– Ты загородил мне путь, почтенный, – твёрдо произнес писец.

Черное от загара лицо незнакомца выглядело зловеще. Колочий взгляд темных глаз пронзал насквозь. Зачесанные назад намащенные волосы. Орлиный нос и шрам, пересекавший левую щеку.

– Ты, юноша, взял то, что тебе не принадлежит, – тихо произнес он. – И тебе дается шанс отдать это сейчас. И тогда мы забудем, что видели тебя.

– Принадлежит вам? – Нехези посмотрел на Мерани и понял, что это он говорит о ней.

Писец удивился, как эти шакалы так быстро сумели все пронюхать.

– Ты ошибся, почтенный. Я не брал того, что принадлежит тебе.

Из-под плаща показалась рука. Черный палец уперся в Мерани.

– Она знает многое из того, что простому человеку знать не следует! Мы заберем её с собой и исправим зло, что ты сделал! И больше никогда не становись на пути у хранителей!

– Нет! – решительно заявил Нехези. – Этот человек принадлежит мне!

– Ты не понял меня, юноша. Ты молод и я могу тебя простить на первый раз. Смотри.

Незнакомец показал ему на татуировку на своей руке. Это был знак темного бога мертвых Анубиса! Нехези не отступил ни на шаг и не дрогнул.

– Этого человека ты не получишь! И лучше тебе отступить.

Рядом стал Хоремхеб, и его могучая рука легла на рукоять бронзового меча.

– Ты разве не слышал, что сказал тебе, господин?

Лицо стража расплылось в злобной усмешке.

– Вот как? Я был послан, чтобы решить дело миром. Но вы вызвали Его гнев. Спросите девушку о лике бога смерти. Она видела его, и он может явиться и вам. Вы не знаете, с какими силами вы связались.

После этих слов незнакомец скрылся в толпе...

Старый Бата был восхищен внешним видом своего племянника и усадил его на самое почётное место.

– Вот видите, как помогает в жизни образование, что вы получаете в моей школе? – назидательно спросил он и посмотрел на десяток юношей и мальчишек, что толпились вокруг. – Узнаете ли вы вашего товарища Нехези? Нет? А я вам говорил, что не стоит лениться, а стоит старательно запоминать все, чему я вас учу. Каково! Я отвез его в новый город, и он прибыл обратно уже в золотой одежде послом к Его святейшеству фараону.

В душе старого Бату шевельнулась зависть, и он в этот момент пожалел, что не отправил в Ахетатон своего старшего сына. Ну да что сделано, то сделано.

– Дядя, я бы хотел, чтобы одели вот эту женщину.

– Твоя рабыня? – спросил Бата.

– Мерани совсем не рабыня. Я подобрал её дорогой и хочу, чтобы она была постоянно рядом. Ей угрожает опасность.

– Вот как? – удивился старик и приказал всем разойтись. Никто не должен мешать ему беседовать с любимым племянником.

Когда они остались одни, Нехези все рассказал дяде о случившемся с ним в пустыне.

– Ты сошел с ума, племянник! – схватился за голову старый Бата, выслушавший эту исповедь. – Я же давал тебе совет не становиться на пути людей со знаками Анубиса и носящих черную одежду.

– Но я хотел посмотреть, что внутри Сфинкса воспользовавшись ситуацией. А когда увидел эту молодую женщину, то не мог её не спасти. Жалость затопила мое сердце.

– Жалость? Вот глупейшее из человеческих чувств. Я вот всю жалость своего сердца изливаю на себя самого. И это правильно. Это помогло мне дожить до старости.

– Дядя, не стоит говорить, чего мне не следовало делать. Ведь все равно это уже сделано, и ничего поправить нельзя.

– К сожалению.

– Пусть так. Меня интересует кто эти люди, и что может Мерани грозить?

– Стражи царства мертвых, дорогой племянник. С ними считаются даже фараоны Египта. Понимаешь? Фараоны! Эти люди неуловимы и вездесущи. Их карающая рука не знает пощады. И сейчас тебе совсем небезопасно быть в моем доме. Самым надежным укрытием может стать дворец Его святейшества, но и там я не поручусь за твою безопасность, Нехези.

– Они так могущественны?

– Более чем, мой племянник.

– Но тогда почему они не могут защитить гробницы мертвых от грабителей? Если они столь сильны, то почему проигрывают схватку с ворами?

– Эх, Нехези. Я же говорил тебе, что прятаться всегда легче, чем ловить. Да и у самих грабителей неплохая организация, будь они трижды прокляты.

– Скажи, дядя, а эти слуги Анубиса связаны со жрецами заупокойных культов или нет?

– Зачем тебе знать это, племянник? Ты суешь нос в такие дела, от которых стоит держаться подальше. Ты хоть и одет как вельможа фараона, но не заносись высоко. Пока ты еще никто в этом мире...

Человек с едва видимыми знаками на лице – они практически слились с его загорелой кожей – появился внезапно и посмотрел прямо в глаза Бата.

Старик вздрогнул от неожиданности и его язык словно прирос к гортани.

– Ты нарушил покой мертвых, – зазвучал голос в голове старика, но губы незнакомца даже не шевельнулись.

– Я... я не посмел бы... – залепетал старый учитель.

– Ты не уберег своего племянника от святотатства. Он посмел нарушить покой Сфинкса. Он похитил оттуда женщину, приговоренную стражами мертвых и проклятую Анубисом, повелителем царства мертвых. И ты исправишь его ошибку!

– Я... исправлю, но как? – пролепетал Бата.

– Ты исполнишь наше повеление, если не хочешь навлечь проклятие на своего племянника и своих сыновей. Ты ведь этого не хочешь, Бата?

– Нет.

– Вот и отлично. Анубис желает увидеть твою преданность и тогда дарует тебе свое прощение.

– Вы хотите жизнь моего племянника и его рабыни?

– В свое время мы скажем, что хотим.

Черный человек усмехнулся. Страх Бата веселил его.

– А ты бы смог его предать?

– Кого, господин? – спросил старик.

– Твоего племянника.

– Нехези? Во имя жизни моих сыновей – да.

– И тебе не жаль этого храбреца?

- Жаль, но в его душе есть что-то темное и меня это пугает. И иногда я хочу его смерти.
- Вот как? – незнакомец был явно удивлен ответом Бата.
- Да. Он несет опасность для моей семьи. Я чувствую это, хотя не знаю в чем эта опасность.

Но незнакомец уже исчез, словно растворился в воздухе?

Папирус 2 «Повелитель Верхнего и Нижнего Египта»

1358 год до новой эры

Шестой год правления фараона Аменхотепа IV (Эхнатона)

Фивы – город Мертвых и город Живых

На восточном берегу Нила, там, где вставало солнце, раскинулся многолюдный город живых с прославленными храмовыми ансамблями Ипет Рес и Ипет Сут, дворцами фараона, усадьбами знати с садами и водоёмами, прекрасным портом с гаванью, ремесленными и торговыми кварталами, рынками.

Храмы Ипет Рес и Ипет Сут называли чудом света. Ими восхищались иностранцы и гордились египтяне. Эти сооружения воздвигнуты в честь великого Амона-Ра и соединены между собой длинной аллеей из сорока каменных сфинксов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Их воздвигли по приказу его святейшества фараона Верхнего и Нижнего Египта Аменхотепа ⁸ Третьего, отца ныне царствующего фараона Аменхотепа Четвертого ⁹.

На западном берегу, ближе к реке, в долине высились поминальные храмы фараонов разных династий, а в скалах Ливийского хребта укрывались гробницы знати. Здесь не было людей, кроме жрецов заупокойного культа и редких «шакалов пустыни» – грабителей могил, которые промышляли на той ниве «где не сеяли».

Деление каждого города Древнего Египта великой рекой Нил на две части было традиционным: культ мёртвых связывался с западом, откуда наступала безжалостная пустыня, и где бог солнца Ра спускался в подземный мир.

Нехези смотрел в сторону города мертвых, и ему показалось, что он увидел несколько фигур в черных одеждах. Но стоило ему повернуться к Мерани и указать ей на эти фигуры, как они в одно мгновение исчезли, словно бестелесные призраки.

– Ты что-то видел там, господин? – спросила его девушка.

– Нет. Мне показалось, что там были черные фигуры. Но всему виной солнце.

– Так выглядят стражи мира мертвых.

– А что ты знаешь о них?

– Я думаю, что они не люди в обычном смысле, господин.

– Не люди? А кто?

– Они вышли из темного подземного мира, где правит их страшный господин – бог с головой шакала Анубис.

– Я думал, что ваше братство не верит в богов.

– Мы выступаем против несправедливости этого мира и мира загробного.

– Несправедливости?

Но ответа Нехези не услышал. Мерани неожиданно пропала! Он обернулся и не обнаружил её рядом.

– Мерани! – позвал он, но никто ему не ответил.

Нехези стал метаться по террасе, но нигде не мог найти её.

– Твоя рабыня была приговорена Анубисом к смерти! – раздался голос откуда-то снизу.

И Нехези почувствовал, как каменные плиты заходили у него под ногами.

---

⁸ Амен-хопт – «Он живет во славу бога Амона» или «Он живет для Амона». При фараоне Аменхотепе Третьем Египет достиг наивысшего могущества в своей истории.

⁹ Аменхотеп Четвертый, знаменитый фараон 18-й династии. Сын Аменхотепа Третьего и царицы Ти. Впоследствии принят тронное имя Эхнатон (Угодный бога Атону).

- Кто это говорит? – спросил он. – Покажись?
- А ты уверен, смертный, что сможешь созерцать мой образ? – пришел ответ. – Ты уверен, что мой лик не ослепит тебя? Готов ли ты созерцать непознанное?
- Покажись!
- Ты желаешь сделать шаг и увидеть то, что лежит за Гранью? Хорошо! Ты увидишь!
- Нехези увидел Свет. В громадном помещении с расписными колонами стоял трон и на нем восседал гордый человек со знаками царской власти в руках.
- Кто это? – спросил он. – Кто этот человек на троне?
- А ты разве не видишь его лица? – спросил таинственный голос.
- Нет. Все залито светом, и я не вижу кто это такой.
- Этот человек предатель. Он предал своего господина и занял его место.
- Предал фараона? Если он сидит на троне, то значит...
- Значит он сел на место своего повелителя. Но рядом с ним притаился враг. Он сам пригрел на своей груди своего палача. Ты видишь врага?
- Нет. Я вижу только фараона.
- Но враг рядом. И у тебя будет шанс от него избавиться.
- У меня? – удивился Нехези. – Но я так далеко стою от трона Египта.
- Уже нет. Ты начал свое восхождение.
- Я? – испугался Нехези. – Я начал восхождение? Но неужели ты хочешь сказать, что я займу трон?
- Нет. Трон ты не займешь, но будешь поблизости от него. И будешь стоять рядом с фараоном. Твое место будет подле трона. Рядом с предателем.
- Предателем?
- Да, ибо тот, кого ты видишь сейчас на троне в море света, предатель. Он взял корону своего господина. И рядом с ним я вижу тебя. А рядом с тобой в темном углу еще один предатель. Но он уже предаст человека на троне. И виновен в этом будешь ты.
- Я? Но почему?
- Свет померк у Нехези перед глазами, и он опустился во тьму. Он закричал от страха, и кто-то там во тьме ударил его по щеке.
- Рука божества! – прошептал Нехези. – Мою щеку сковало холодом.
- Господин! Что с тобой? – Нехези увидел перед собой лицо Мерани и обнаружил, что он лежит на каменных плитах...

Нехези прибыл во дворец фараона в сопровождении Хоремхеба. Его беспрепятственно пропустили, так как он показал знак посланца от достойного Иуйя из Ахетатона.

Церемониймейстер призвал одного из слуг и повелел показать прибывшим господам, куда им надлежит идти:

– Эти люди будут присутствовать на приеме у его святейшества фараона, да живет он вечно.

Слуга в белоснежной одежде с ярким нагрудным ожерельем и жезлом в руке, повел их среди многочисленных переходов роскошного дворца фараонов в Фивах, построенного еще при Аменхотепе I и значительно расширенного при Тутмосе III. Этот дворец был выстроен лучшими архитекторами Египта и был воистину достоин названия великолепного. Ранее Нехези еще никогда не видел таких сочных красок, такого вкуса и такого изящества. Жилище фараона издали это одно. Его видели все жители священного города Фивы до последнего раба. Но попасть внутрь цитадели царей совершенно иное.

Даже слуги во дворце были облачены в яркие одежды и многие имели богатые украшения. Нехези поразился их количеству. Здесь было не менее нескольких тысяч человек, которые служили владыке Верхнего и Нижнего Египта. Роскошь вошла в моду и стала частью придвор-

ного Египта со времен царствования фараонов Тутмоса IV и Аменхотепа III. Именно тогда слава о великолепии столицы фараонов полетела по миру.

В громадном зале, где в самом центре был поставлен трон для фараона, толпилось множество жрецов, придворных и военных чинов. Наемные музыканты играли на арфах, лирах и флейтах, услаждая слух гостей владыки. Сверкали драгоценные камни и золото на одеждах вельмож. У военных было изукрашенное лучшими ювелирами оружие. Эхнатон любил так одаривать отличившихся в пограничных стычках с варварами полководцев.

Нехези сильно волновался, когда вошел под великолепные расписные своды. Он повернулся к Хоремхебу и спросил его:

– Ты уже бывал во дворце?

– Да, но в парадном зале я в первый раз. Меня никогда не приглашали на прием самого фараона. Здесь я вижу много военачальников. Вот там стоит командующий корпусом Мерфи Тутмос. А вон начальник ливийской гвардии господин Па-Баста.

– Твой командир?

– Да. И он с удивлением таращит на меня свои выпуклые глаза. Не понимает, кто меня сюда пригласил. Бойтся, что я отмечен милостью фараона. Па-Баста слишком дорожит своей должностью. Вдруг да его сместят с должности, а она приносит ему неплохой доход.

– А тебя хотят назначить вместо него? Он старик, хоть и крепкий, а ты еще молод.

– Сейчас еще рано об этом мечтать, но в будущем все может измениться. Хотя я хотел бы служить фараону на поле боя. Спокойная должность придворного солдата не по мне.

– Ты бы отказался от чина офицера придворной гвардии? – удивился Нехези. – Это элита нашей армии.

– Отказался бы? Нет. Разве можно отказать фараону?

Они отошли в ту часть зала, где стояли несколько десятков женщин. Все они держали в руках цветы лотоса. Их белые платья были по местной моде украшены яркой вышивкой и богато усыпаны драгоценностями. Пышные парики женщин были низко надвинуты на лоб и перехвачены гравированными обручами из золота.

Еще дальше стояли особняком жрецы Амона. Эти тихо переговаривались между собой, и на их лицах читалось недовольство.

– Жрецы, – прошептал Хоремхеб.

– Да. Это посланцы храма Амона-Ра. Они постоянно ходят к фараону, как говорит мой дядя, и просят его вернуться к культу Амона и отринуть новый культ Атона, который фараон все больше и больше жалуется своими милостями.

– Но не заметно, чтобы у них это получалось.

– Фараон настроен решительно проводить в жизнь политику нового культа единого бога Атона.

– Смотри! – Хоремхеб толкнул Нехези, и показал ему на появившегося нарядного придворного с жезлом в руке.

– Кто это?

– Сам господин Меритенса – церемониймейстер фараона. Тот, что встречал нас у входа во дворец. Но сейчас он нарядился с особой пышностью. Я знаю его давно. Он часто бывал в наших казармах. Он пришел объявить о выходе Эхнатона. Готовься. Сейчас все начнется.

Они замолчали, и тоже самое сделали все, кто собрался в зале. Музыканты прекратили играть.

Меритенса торжественно взмахнул жезлом и громким голосом произнес:

– Его святейшество, фараон Верхнего и Нижнего Египта, живущий в правде, избранник Ра, прекрасное дитя великого Атона, наш владыка Аменхотеп IV!

Глашатай назвал фараона еще старым его именем Аменхотеп. Хотя уже несколько месяцев как фараон окончательно сменил свое имя на Эхнатон. Это был решительный вызов жре-

цам других культов, а особенно культу Амона-Ра. Верховные жрецы Амона привыкли занимать большие должности и весьма влиятельные посты при дворе отца нынешнего фараона Аменхотепа III. Имя фараона – Аменхотеп (Угодный Амону) – означало приверженность старому культу. Новое имя Эхнатон (Дух Атона) свидетельствовало о решительном повороте в государственной политике.

В зале появился он – повелитель громадной империи, в сопровождении своей любимой жены царицы Нефертити и четырех придворных в белых жреческих одеждах. Это были жрецы бога Атона.

Нехези впервые видел фараона так близко. Он не был красив, владыка обоих земель, и его внешность скорее отталкивала, чем привлекала. Фараон был узок в плечах и имел полные бедра. Совсем не похоже на образец мужественного повелителя-воина, который ввел в Египте великий фараон Тутмос III, завоевавший множество стран.

Худые руки владыки, явно не привычные к мечу и копьё, были украшены массивными браслетами из золота. Лицо фараона также совсем не походило на гордые профили мужественных правителей 18-й династии, скульптуры которых высились в этом зале. Кожа фараона была испорчена многочисленными оспинами. Большие выпуклые глаза, высокий лоб, худые щеки. Его голову венчала корона с традиционным царским символом – золотым Уреем.

А вот царица Нефертити действительно поражала своей красотой. Высокая ростом, с длинной шеей и тонким, словно выточенным резцом мастера лицом, она пленяла всех, кто её видел. Нехези, не отрываясь, смотрел на огромные синие сияющие глаза повелительницы, на её красиво очерченные губы. На царице было роскошное длинное платье с вышивкой. На её миниатюрных ступнях – золотые сандалии украшенные самоцветами. Её голову венчала высокая тиара, надвинутая на лоб с двумя закругленными концами, плотно скрывавшими уши женщины.

Глашатаи после появления фараона разом воскликнули:

– Жизнь! Кровь! Сила! Фараон! Фараон! Фараон!

После этого возгласа все присутствующие пали ниц, приветствуя владыку. Повалились на колени и Нехези с Хоремхебом.

Фараон сел на трон. Слуги принесли небольшой стульчик для царицы Нефертити, и она расположилась рядом со своим супругом. Эхнатон разрешил придворным подняться.

– Здесь ли мой чати (визир или министр в Древнем Египте) по военным делам? – спросил Эхнатон.

– Я здесь, владыка, – вперед выступил мужчина в белой рубаше и юбке. На его широком поясе были укреплены ножны с мечом. В руках он держал жезл «священного быка войны» – символ его высокого сана.

– Мне говорили, что ты хочешь сообщить нечто важное? Я не мог выделить тебе время раньше, но сейчас я слушаю тебя.

– Владыка, к нам едет посол от царя Вавилонии Буррабуриаша с изъявлениями покорности и обещанием дани.

– И это все, что ты хотел нам сообщить? Если речь пойдет о военном союзе, то разбирайся в этом сам.

– Но, владыка, царь Вавилона послал к тебе не простого гонца, а своего сына царевича Хамаша с многочисленной свитой. Он царской крови и ждет почестей от самого фараона Египта, мой повелитель.

– Хорошо! Я приму сына царя Вавилонии. Ты отправил навстречу посланцу эскорт достойный его происхождения?

– Да, владыка. Его будут сопровождать 100 колесниц твоей личной гвардии. Но это еще не все, повелитель. Наши Сирийские союзники весьма обеспокоены усилением царства хеттов.

– А разве хетты предпринимали попытки нарушить наши границы или границы наших союзников в Сирии или Палестине?

– Пока нет. Крупных атак хетты пока не предпринимали, но могут предпринять. И нам стоит усилить наши гарнизоны в Сирии.

– Посылать войска? Но это значит начать войну с хеттами. Я не желаю войны. Мои предшественники и так значительно расширили границы Египта и распространили свою власть на многие народы. Хватит этих бессмысленных войн! Они разоряют нашу страну!

Эхнатон жестом дал понять чати, что с ним говорить более не желает. Затем он обратил внимание на жрецов Амона.

– Вы пришли ко мне по делу, слуги Амона-Ра? – недовольно спросил фараон. – Я готов вас выслушать.

Вперед выступил старик с лысой головой в белом одеянии с золоченным посохом в руке.

– Мы пришли к тебе, фараон от имени и по повелению Владыки Солнца Амона-Ра! От бога, который возвеличил твоих предков! – торжественно провозгласил жрец. – Я верховный жрец моего бога заявляю тебе – отринь от себя ложные символы веры и вернись к почитанию истинных богов Страны Кемет. Сила Египта именно в незыблемости культов наших богов и в первую очередь культа Амона-Ра! Если ты забыл, фараон, о том, как был наказан много веков назад фараон Хуфу и его наследники, то я могу тебе напомнить об этом!

– Я не нуждаюсь в уроках истории, жрец!

– Но я все же тебе напомню их! – гордо продолжил жрец.

Он стал говорить о немилости бога Ра и о том, как он отвернулся от Хуфу и его семьи. Рассказ дошел до момента как сам солнечный бог породнил наследника от смертной женщины и даровал ему корону царства Верхнего и Нижнего Египта.

Фараон выслушал жреца с каменным лицом и ничего не произнес в ответ. Вместо него вперед выступил один из жрецов Атона, который стоял рядом с тронном.

– Я жрец бога Атона Мерира, именем бога моего заявляю тебе жрец Амона – ты неверно истолковал волю божества!

– Неверно?! – вскипел жрец Амона-Ра. – И это ты смеешь говорить верховному жрецу, посвященному в древние тайны? Ты предатель и распутник, изгнанный из состава жрецов Амона-Ра с позором!

– Меня изгнали за то, что я был просветлен моим владыкой фараоном Эхнатоном, первым слугой Атона. Вы жрецы Амона-Ра не желаете свидетельствовать истину, и ваши уста извергают ложь! Вы не хотите терять своих доходов и богатств и в целях личной наживы сохраняете культ Амона в ущерб Атону, культ которого проводится в Египте по воле нашего фараона.

– Наши богатства принадлежат не нам, скромным слугам, но самому Амону-Ра! И не тебе считать то, что даровано храмам Его святейшеством и его божественными предками.

Эхнатон наконец также заговорил:

– Вы жрецы Амона-Ра не хотите меня понять. В молодости блуждая в пустыне, где я заблудился, потеряв свою свиту, ко мне пришел Атон, и окутал меня своим божественным светом. Он сказал, что он единственный великий бог Египта.

– Ты ошибаешься, о царь! – бесстрашно произнес старый жрец. – Амон более велик, чем Атон.

– Там в пустыне, жрец, воздухом жизни был воздух нагретый солнцем. И солнце – это Атон! Бог оставил вот эти следы на моем лице, сделав его безобразным в память о своем милосердии. Атон открыл мой рот, чтобы я мог говорить! И я передал тебе его волю. Так почему ты упорствуешь?

– Я упорствую в истине, фараон. Так повелел мне великий Амон-Ра. Упорствовать и свидетельствовать истину до самой смерти! Культ же бога Атона пришел в Египет из Сирии,

и он тождественен с культом сирийского бога Адона. И в нашей стране он прижился как один из богов в Гелиополе, и его имя преобразовалось из Адона в Атон. Но разве можно сравнить его с великим богом Амоном-Ра? Подумай об этом, фараон! Ты ошибаешься, и твоя ошибка дорого будет стоить Египту.

– Ты снова меня не понял, жрец! Атон не может спорить с Амоном или с другим богом Египта. Атон – единственной бог мира, а не только Гелиополя или Египта. Атон создал небеса, чтобы сиять на них. И он ежедневно взирает на все, что создал!

– Ты отбираешь земли и доходы у храмов – достойно ли это повелителя Египта? – продолжил жрец свои обвинения в адрес фараона. – Ты даешь большие подарки только культу Атона. И храмы в честь него растут. И строиться новый город Ахетатон и поговаривают, что именно туда намерен ты переместить свою ставку и столицу государства. Это так?

– Да! Ахетатон станет новой столицей царства Египетского. Этот вопрос уже решен. И не смей мне возражать жрец. Я хорошо знаю все ваши уловки! Меня не так просто провести! В Ахетатоне нет, и не будет жадных жрецов набивающих подвалы своих храмов золотом и ценными предметами! Та будет новый центр нового Египта!

– Но этим ты можешь вызвать не только недовольство, но проклятие Амона-Ра! – не унимался жрец.

– Государь это угроза! – Мерира повернул свое лицо к владыке. – Они осмеливаются угрожать тебе! А что будет с нами твоими верными слугами и слугами Атона? Разве не ты правишь Египтом, а жрецы Амона-Ра?

– Не сбивай государя, мерзкий предатель! В моих словах не было угрозы Его святейшему! Я только изложил волю божества!

Фараон Эхнатон поднял вверх свою худую руку, требуя тишины. Все затаили дыхание. По лицу фараона пробежала судорога – а это был верный признак того, что он впадает в гнев.

– Я выслушал твои слова, верховный жрец храма Амона-Ра! Я приму решение!

– Но не медли, фараон! Боги ждут от тебя дел угодных им!

– Боги или вы? – Эхнатон вскочил с трона. – С каких же пор ты стал единственным толкователем воли богов?

– С тех самых пор как они стали отворачиваться от тебя, фараон, – смело ответил верховный жрец Амона-Ра.

Он повернулся к своим спутникам и сделал им знак уходить. Жрецы Амона-Ра поклонились и гордо удалились из зала.

Фараон был вне себя от злости, но еще один придворный по имени Эйе склонившись к нему, проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.